

И.А. Ильин

О тьме и просветлении

**Книга художественной критики
Бунин-Ремизов-Шмелев**

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 101
ББК 87
И46

И46 **Ильин И.А.**
О тьме и просветлении: Книга художественной критики Бунин-Ремизов-Шмелев / И.А. Ильин – М.: Книга по Требованию, 2013. – 202 с.

ISBN 978-5-458-78304-0

ISBN 978-5-458-78304-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

СОДЕРЖАНІЕ.

<u>Глава</u>		<u>Страница</u>
1	ВВЕДЕНІЕ. О ЧТЕНІИ И КРИТИКЪ .	3
2.	ТВОРЧЕСТВО И. А. БУНИНА .	. 29
3.	ТВОРЧЕСТВО А. М. РЕМИЗОВА	. 81
4.	ТВОРЧЕСТВО И. С. ШМЕЛЕВА	. 135
5.	ПОСЛѢСЛОВІЕ	. 193

ВВЕДЕНІЕ.

О ЧТЕНІИ И КРИТИКѢ.

О ЧТЕНІИ И КРИТИКѢ.

I.

Когда художникъ творить свое произведеніе, то онъ втайнѣ мечтаетъ о «встрѣчѣ». Какъ бы ни былъ онъ замкнутъ, одинокъ или даже гордъ, онъ всегда надѣется на то, что его созданіе будетъ воспринято, что найдутся такіе люди, которые вѣрно увидятъ или услышатъ его «слово» и понесутъ его въ себѣ. И можетъ быть, даже самые одинокіе и замкнутые мастера съ особю нѣжностью, съ особымъ трепетомъ думаютъ объ этой желанной, предстоящей «встрѣчѣ» полного «пониманія» и «одобренія»;—и потому, можетъ быть, и замыкаются въ себѣ, что жаждаютъ этой «встрѣчи»; и потому, можетъ быть, заранѣе приучаютъ себя къ мысли о «неизбѣжномъ» одиночествѣ, и не надѣются на ея возможность . . .

Мечтая о художественной встрѣчѣ, художникъ правъ. Ибо искусство подобно молитвенному зову, который долженъ быть услышанъ; и любви, которая требуетъ взаимности; и бесѣдѣ, которая не осуществима безъ вниманія и отвѣта. Молящемуся довольно, если ему внялъ Господь. Но художникъ обращается и къ людямъ. Искусство желаетъ быть услышаннымъ, оно требуетъ любовнаго вниманія, ему необходима встрѣча; и не «все равно, какая» встрѣча; — не «какая-нибудь», а художественная, т. е. такая, при которой въ душѣ слушателя и читателя расцвѣтутъ тѣ самыя цвѣты, что цвѣли въ душѣ художника, и запылаетъ и засвѣтитъ тотъ самый огонь, что горѣлъ и свѣтилъ автору; такъ, чтобы художникъ, — если бы удалось ему заглянуть въ душу своего слушателя и читателя, — сказалъ бы въ радости: «да, я именно это видѣлъ! да, я именно это пѣлъ!» И сталъ бы счастливъ отъ состоявшейся художественной встрѣчи.

Такъ обстоитъ во всѣхъ искусствахъ: и въ музыкѣ, и въ пѣніи, и въ живописи, и въ скульптурѣ, и въ архитектурѣ, и въ танцѣ. И, конечно, въ литературѣ.

Въ долгомъ, трудномъ и нерѣдко мучительномъ творческомъ процессѣ писатель выносилъ, увидѣлъ, выбралъ, соединилъ, срастилъ въ единое цѣлое внѣшніе (чувственные, живописные) и внутренніе (нечувственные, душевные) образы, нашелъ для нихъ единственно вѣрныя слова, записалъ ихъ и оторвался отъ нихъ, отпуская ихъ на вольный міръ въ печатномъ видѣ. Онъ развернулъ помыслъ своего сердца въ цѣлое образное повѣствованіе,

уложилъ эти образы въ живыя, описывающія и вздыхающія слова, и согласился на то, чтобы эти слова были спрятаны за беззвучными, мертвыми буквами, и чтобы сонмы этихъ черныхъ, молчащихъ значковъ, отпечатанныхъ на бумагѣ, были х у д о ж е с т в е н н о д о в ѣ р е н ы читателямъ. Читатели неизвѣстны ему; подавляющаго большинства ихъ онъ никогда въ жизни и не увидитъ. Онъ далъ имъ все, что могъ: цѣлый міръ своихъ помысловъ и образовъ, зашифрованный въ словахъ и буквѣ вахъ . . . Сумѣютъ ли они и какъ они сумѣютъ художественно расшифровать его? Онъ не въ состояніи побудить ихъ къ этому, — развѣ только, если самъ прочтетъ свое произведеніе вслухъ, превращая своихъ читателей въ слушателей и помогая имъ вѣрно подойти къ воспріятію своего произведенія: и с - п о л н я я его, т. е. давая записаннымъ словамъ подобающее звуковое, и живописное, и сердечно-чувствующее, и волевое, и послѣдне-глу-бинное наполненіе, подобно композитору, играющему свою сонату изъ той же самой глубины души и духа, изъ которой первоначально родилось самое произведеніе — изъ того же созерцанія, изъ той же боли, изъ той же радости. Читая свое произведеніе вслухъ, писатель самъ какъ бы поетъ ту пѣсню, которая уже найдена и создана имъ; какъ бы вторично рождаетъ ее для своихъ слушателей . . . Но сколько же бываетъ счастливицевъ, которымъ удастся такому исполненію?

И вотъ, разъ что такое исполненіе недоступно, — читатель долженъ самъ расшифровать довѣренное ему въ печатномъ видѣ произведеніе: поэму, повѣсть, романъ, драму. Онъ призванъ самъ и с - п о л н и т ь, в о з с о з д а т ь, у в и д ѣ т ь и п о с т и г н у т ь ихъ; и тѣмъ самымъ — какъ бы приняты протянутую ему руку автора, оправдать его довѣріе и пройти навстрѣчу ему ту часть художественнаго пути, которую никто за него и вмѣсто него пройти не можетъ. Безъ этого в о з - с о з д а н і я художественнаго с о з д а н і я обойтись нельзя. Это вторичное рожденіе слова, образа и глубиннаго замысла каждый читатель долженъ осуществить въ своей душѣ самостоятельно и одиноко. Захочетъ ли онъ этого? Сумѣетъ ли онъ это сдѣлать? Знаетъ ли онъ, что это совсѣмъ не такъ легко? Понимаетъ ли онъ, что чтеніе есть х у д о ж е с т в е н н о е т в о р ч е с т в о, требующее отъ читателя художественной сосредоточенности, вниманія и вѣрнаго участія всего душевно-духовнаго, многоструннаго «инструмента»? . . .

Дѣло совсѣмъ не обстоитъ такъ, что художественный процессъ происходитъ единожды въ душѣ писателя; а читатель — «просто читаетъ», т. е. бѣгаетъ глазами по строчкамъ и страницамъ, и при этомъ представляетъ себѣ «что то въ этомъ родѣ», а потомъ заявляеть, получилъ онъ отъ этого удовольствіе («понравилось») или нѣтъ («не понравилось»)! . . . Читатель есть с о у ч а с т н и к ъ т в о р ч е с к а г о п р о ц е с с а, с о - х у д о ж н и к ъ. Ему довѣрена поэма, какъ бы замершая на бумагѣ: онъ долженъ вызвать ее къ жизни и осуществить ее сполна въ своемъ внутреннемъ, замкнуто-одиокомъ мірѣ. Отъ него зависитъ, состоится ли вообще «встрѣча»; это встрѣчу онъ

можетъ и погубить. Не слѣдуетъ думать, будто вся отвѣтственность падаетъ на писателя: ибо у читателя есть своя доля отвѣтственности. Въ музыкѣ это начинаютъ понимать. Въ литературѣ до этого еще не почувствовались. Если душа современнаго человѣка не слышитъ Софокла или Шекспира, то это не значитъ, что Софокль и Шекспиръ плохіе художники, а значитъ, что душа современнаго человѣка стала мелка духомъ и слаба волею и не умѣетъ читать Софокла сердцемъ и созерцать волею вмѣстѣ съ Шекспиромъ. Ч и т а т ь о титанахъ и герояхъ не значитъ словесно проноситься мимо нихъ, но значитъ в о з с о з д а в а т ь и х ъ в ъ с е б ѣ; а для этого необходимо найти въ своей собственной душѣ тотъ матеріаль чувства, воли, видѣнія и мысли, изъ котораго слагается титаническая и героическая натура.

Это не означаетъ, что читатель призванъ во время чтенія носиться въ пустотахъ своей души по прихоти своего воображенія и по произволу своего чувства, выдумывая «свое» по поводу того, что даетъ авторъ. Есть темпераментные фантазеры, которые «читаютъ» именно такъ; но именно поэтому они, строго говоря, совсѣмъ не умѣютъ читать, — имъ въ сущности нѣтъ дѣла ни до автора, ни до его созданія; они не способны в н и м а т ь; они заняты с о б о ю, своимъ душевнымъ матеріаломъ, своими внутренними зарядами и разрядами; и писатель «нравится» имъ тѣмъ больше, чѣмъ меньше онъ мѣшаетъ имъ фантазировать и волноваться по своему . . .

На самомъ же дѣлѣ ч и т а т ь значитъ в н и м а т ь, т. е. «имать», брать внутрь созданное и предложенное авторомъ. Писатель с о з д а е т ь, впервые, первоначально; а читатель только в о з с о з д а е т ь уже созданное, вторично. Писатель ведетъ и показываетъ; а читатель призванъ итти за нимъ и в ѣ р н о в и д ѣ т ь именно то самое, что старается показать ему писатель. И желанная встрѣча состоится только тогда, если ему это удастся.

Для того, чтобы это удалось, читатель долженъ довѣрчиво раскрыть и предоставить автору в с ю с в о ю д у ш у, какъ нѣкую скульптурную глину, способную воспринять, воспроизвести и удержать все то, что понадобится художнику. Это не легко, но это необходимо. Это бываетъ особенно трудно, если душевная жизнь читателя сама по себѣ тѣсна и несвободна, и кромѣ того н е у м ѣ е т ь п е р е с т р а и в а т ь с я. Такъ, напримѣръ, если читатель не живетъ сердцемъ и презираетъ жизнь чувства, то ему будетъ очень трудно или даже невозможно ч и т а т ь Диккенса, Достоевскаго, Шмелева, Кнута Гамсуна. Или, если воображеніе читателя прикрѣплено къ повседневному быту и за его предѣлами не живетъ, не паритъ, не радуется, то онъ можетъ быть сумѣетъ п р о ч и т а т ь бытописателей привычной обстановки — Л. Н. Толстого, Тургенева, Бунина, но сказки «Тысячи и одной ночи», химерическія видѣнія Э. Т. А. Гофмана, вихрящаяся нежить Ремизова не дадутся ему въ чтеніи. Или еще: страстно-волевая натура можетъ упиваться Вальтеромъ Скоттомъ, Шекспиромъ, Шиллеромъ, Ибсе-

номъ и томиться при чтеніи романовъ Гете или рассказовъ Чехова и Анатоля Франса. Читатель, не способный вызвать въ себѣ изощренность чувственныхъ ощущений, свойственную Гюисмансу; или ненасытный фотографическій интересъ къ деталямъ обстановки, характерный для Эмиля Зола; или вкусъ къ экзотическимъ декоративнымъ «панно», столь щедро разставляемымъ у Мережковского, — не одолѣтъ ихъ произведеній или начать читать ихъ, что называется, «изъ пятаго въ десятое».

У каждаго писателя-художника есть свой особый творческий укладъ; свой способъ задумывать произведеніе, вынашивать его и облекать его въ образы (во-ображать свой замыселъ); своя манера видѣть, чувствовать, желать и изображать увидѣнное, почувствованное, желанное; какъ бы свои художественныя очки. И вотъ, читателю надо завести эти художественныя очки, если онъ хочетъ вѣрно увидѣть и пережить, т. е. дѣйствительно прочесть произведенія даннаго писателя и вычитать изъ нихъ духовное содержаніе, можетъ быть — цѣлое богатство. Читать не значитъ скользить по словамъ и по кое-какъ улавливаемымъ изъ-за нихъ сценамъ. Настоящій читатель живетъ вмѣстѣ со своимъ авторомъ, во слѣдъ ему, населяя свои душевныя пространства его образами и помыслами, и пребывая въ нихъ. Ему удастся воспроизвести ихъ лишь постольку, поскольку онъ вѣрно воспроизводитъ творческій актъ самого художника. Слѣдуя своему художественному инстинкту, онъ перестраиваетъ свою душу съ первыхъ же главъ, съ первыхъ же страницъ читаемой книги; и перестраиваетъ свою душу именно такъ, какъ то хочетъ данный художникъ. Онъ долженъ быть способенъ и согласенъ на это. Иначе читаемое произведеніе не откроется ему и художественная встрѣча не состоится.

Для того, чтобы вѣрно воспринять религіозно-слѣпотаго писателя, у котораго все ограничивается измѣреніемъ земной обыденности, и ни вещи, ни люди не имѣютъ никакого божественнаго смысла, — надо временно согласиться на это духовное оскудѣніе, чтобы художественно взглянуть и вчувствоваться въ его плоскій міръ. Напротивъ, чтобы вѣрно воспринять художника, исполненнаго религіознаго чувства и полета, надо самому захватить религіознымъ созерцаніемъ и расправить крылья своего духа. Одинъ писатель совсѣмъ уходитъ отъ внѣшнихъ вещей и явленій природы во внутренній міръ человѣческихъ страстей и помысловъ; чтобы итти за нимъ и уйти въ его міръ, надо погасить въ себѣ чувственное воображеніе и окунуться въ его воды. Напротивъ, другой писатель показываетъ жизнь человеческой души только черезъ ея тѣлесныя проявленія или черезъ ея отраженіе въ природѣ; чтобы воспринять его художественную ткань, надо разбудить, можетъ быть — разжечь въ себѣ чувственное воображеніе и ориентироваться по зрительнымъ и обонятельнымъ указаніямъ, по движеніямъ тѣла, по линіямъ и массамъ. Словомъ, читатель долженъ видѣть окомъ автора, слушать его ухомъ, чувствовать его сердцемъ, думать его мыслями;

и только это даст ему возможность вѣрно перевоплотиться въ его героевъ, возсоздать въ себѣ всѣ его видѣнія и образы, и проникнуть въ ихъ послѣднюю глубину.

Эта послѣдняя глубина и есть то Главное, что художникъ хотѣлъ выразить въ своемъ произведеніи. Ради этого главнога «помысла» онъ и создалъ свою поэму, повѣсть или драму. Этотъ «помысль» посѣтилъ и освѣтилъ его душу, какъ нѣкій таинственный лучъ; самый лучъ очевидности меркнетъ и исчезаетъ, а воспринятый помысль уходитъ въ глубину души и остается въ ней; и оставшись, превращается какъ бы въ художественный зарядъ, требующій творческаго вниманія къ себѣ и ищущій себѣ образъ и словъ. Повинуясь этому требованію, художникъ и создаетъ свое произведеніе, какъ бы выращивая его, бережно и отвѣтственно, изъ этого первоначальнаго «помысла» или «заряда», который мы условимся называть «художественнымъ предметомъ».

Итакъ, «художественный предметъ» есть то Главное, изъ котораго выросла и которому служить вся поэма, повѣсть или драма. Проникнуть къ нему есть задача читателя и художественнаго критика. Вѣрно воспринять его — значитъ осуществить художественную встрѣчу съ авторомъ.

Этотъ первоначальный «помысль» или художественный «зарядъ» не слѣдуетъ представлять себѣ въ видѣ сознательной мысли, или тѣмъ болѣе въ видѣ отвлеченной идеи, посѣтившей художника. Напротивъ, обычно поэтъ не можетъ ни помыслить, ни выговорить своего художественнаго предмета; если онъ «мыслить» его, то не умомъ, а особымъ сложнымъ актомъ эстетическаго чутья; если онъ «видитъ» его, то лишь какъ въ смутномъ снѣ; онъ можетъ испытывать его воображеніемъ любви, или волевымъ напряженіемъ, или какъ нѣкій камень, лежащій на сердцѣ, или какъ радостно зовущую даль... Поэтъ можетъ его выразить только тогда, если онъ облечетъ его въ образъ, вообразить его и найти для этихъ точныхъ и необходимыхъ образовъ—точныхъ и необходимыхъ слова. Этихъ образовъ и словъ—онъ и ищетъ; эти поиски и составляютъ процессъ его творчества.

Если писателю художнику удастся выносить зрѣлый «помысль», найти для него точные и необходимые образы и описать ихъ въ точныхъ и необходимыхъ словахъ, — то произведеніе искусства «удается», оно оказывается художественнымъ или даже — художественно-совершеннымъ. Тогда въ немъ все необходимо — и образы и стиль рѣчи, и слова, ибо все потребовано изъ глубины самого предмета, все имъ обосновано; тогда въ немъ все художественно, «точно» и эстетически «убѣдительно». Это можно выразить такъ: художественный предметъ скрытъ за образами и словами повѣсти, какъ нѣкое «солнце», которое цѣликомъ присутствуетъ въ нихъ своими лучами; въ каждомъ словѣ и въ каждомъ образѣ имѣется его лучъ, который сіяетъ изъ него и ведетъ къ нему; все имъ насыщено, все о немъ говорить, все ему служить. Нѣтъ худо-

жественно «мертвыхъ» словъ и «мертвыхъ» образовъ, лишенныхъ луча, ненужныхъ предмету, лишнихъ. И нѣтъ предметныхъ лучей, которые остались бы не раскрытыми въ образахъ и не выговоренными въ словахъ, нѣтъ въ повѣсти проваловъ, пробѣловъ, недосмотровъ, несогласованностей, недоговоренностей. Словесная ткань — стала вѣрной «ризой» художественныхъ образовъ; а художественные образы слагаютъ какъ бы вѣрное «тѣло» художественнаго предмета. Если автору это вполне удалось, то онъ создалъ художественно-совершенное произведение; и читатель, владѣющій искусствомъ чтенія, узнаетъ это по тому духовному трепету, который охватитъ его, такъ, какъ еслибы онъ стоялъ передъ великой тайною или передъ чудомъ Божиимъ; а такое произведение и есть на самомъ дѣлѣ великая тайна и Божіе чудо, явленное въ человѣческомъ созданіи.

Такъ сходятся пути художника и читателя. Художникъ идетъ отъ своего предмета къ образу и слову, отъ внутренняго къ внѣшнему, изъ глубины на поверхность; но такъ, что предметъ вливается въ образы и насыщаетъ собою слова; и такъ, что внутреннее вступаетъ во внѣшнее и глубина излучается на поверхность. А читатель идетъ отъ напечатанныхъ словъ къ тѣмъ образамъ, которые въ нихъ описаны и тѣмъ самымъ къ тому предмету, изъ коего они родились, т. е. черезъ внѣшнее къ внутреннему, отъ поверхности къ насыщающей ее глубинѣ. И если эта встрѣча состоится, то искусство справляетъ свой праздникъ.

Для того, чтобы этотъ праздникъ состоялся, автору необходимо искусство «писать», а читателю необходимо искусство «читать». Читать — значитъ: вѣрно и чутко воспринимать ткань словъ (эстетическую матерію), легко и покорно усваивать творческое видѣніе художника (его эстетическій актъ), точно и глубоко воспринимать описываемыя имъ картины внѣшняго и внутренняго міра (эстетическіе образы) и съ духовной зоркостью проникать до того главнаго помысла, изъ котораго рождено все произведение (до эстетическаго предмета). Вотъ чего ждутъ и чего требуютъ отъ насъ писатели-художники. Вотъ какъ мы должны итти навстрѣчу ихъ созданіямъ. Вотъ что намъ дастъ настоящее чтеніе художественной прозы.

2.

Именно такое чтеніе и только такое можетъ дать читателю извѣстное право на художественную критику.

Задача художественнаго критика состоитъ не въ томъ, чтобы опубликовывать, что ему «понравилось» и что ему «не понравилось»; это дѣло личное, частное, такъ сказать — біографическое. Писатели совсѣмъ не призваны и не обязаны «угождать» читателямъ или критикамъ, доставлять имъ «удовольствіе» или «наслажденіе». Художникъ въ правѣ дать читателю и ра-